

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИНЪ

КАКЪ ПСИХОЛОГЪ.

Такъ какъ мы избрали предметомъ разсужденія мысли блаж. Августина «о душѣ», то почитаемъ нужнымъ прежде всего прослѣдить, по возможности, исторію его собственной души.

Августинъ (354—430 г.) еще въ дѣтствѣ обнаруживалъ такія свойства, которыя располагали родителей ожидать отъ своего сына чего-то необыкновеннаго: они не могли надивиться живости его воображенія, пропизательности ума, чувствительности и нѣжности сердца, а главное—любовзательности и ревности къ труду.

Первые годы жизни Августиныя провелъ въ отечественномъ городѣ Тагастѣ, и при томъ преимущественно подъ руководствомъ благочестивой матери, Моники, которая хотѣла видѣть въ своемъ сынѣ мудраго христіанина, и успѣла положить въ его душѣ неизгладимую печать христіанства. Но отецъ его, Патрикій, человекъ въ высшей степени прямодушный, но равнодушный по отношенію къ религіи, не обращалъ должнаго вниманія на нравственное воспитаніе его, а желалъ одного только, чтобы сынъ его былъ краснорѣчивъ и игралъ блестящую роль въ свѣтѣ. «Отецъ мой», жалуется Августинъ, «не заботился о томъ, чтобы я преуспѣвалъ въ духовной жизни, а желалъ

одного только, чтобы я былъ краснорѣчивъ, хотя бы и безъ истиннаго образованія. Мнѣ, мальчику, постоянно внушали, что я долженъ больше всего заниматься краснорѣчіемъ, такъ какъ оно служитъ самымъ лучшимъ средствомъ къ приобрѣтенію почестей и богатствъ» ¹⁾).

И мечты отца, повидимому, осуществлялись. Съ юныхъ лѣтъ Августинъ обнаруживалъ расположенность къ такимъ наукамъ, которыя питали воображеніе, а не къ тѣмъ, которыя отличаются формализмомъ и часто только обременяютъ, какъ ему казалось, память. Сколько ни старались учителя занимать его философіей и математикой, онъ не слушалъ ихъ наставленій, а съ жадностію читалъ сочиненія Виргилія, полныя воодушевленія и страсти, и глубоко сочувствовалъ трагическимъ сценамъ, описаннымъ въ 4-й книгѣ Энеиды ²⁾).

Замѣтивъ въ сынѣ расположенность къ изящной литературѣ, отецъ везетъ его изъ Тагаста въ Мадаврь, который представлялъ болѣе удобствъ для образованія; но очарованный успѣхами пятнадцатилѣтняго сына въ краснорѣчіи, онъ рѣшается изыскать всѣ средства для того, чтобы отправить сына въ Карфагенъ, столицу африканской учености. И Августинъ съ величайшею ревностію исполняетъ задушевное желаніе отца: «я прилежно изучалъ, говоритъ онъ, сочиненія раторовъ о краснорѣчіи, въ которомъ желалъ отличиться съ цѣлію предосудительною и пустою, имѣя въ виду одну плѣнявшую меня суетность человѣческую» ³⁾).

Но дѣлая быстрыя успѣхи въ наукахъ, Августинъ еще болѣе успѣвалъ въ развитіи своихъ порочныхъ страстей. Театръ и чувственныя удовольствія сдѣлались мнимою потребностію его

¹⁾ Conf. II, 3.

²⁾ Conf. I, 13.

³⁾ Ib. III, 3.

души, «желавшей утолить внутренній голодъ пищи духовной пищей чувственной и тѣлѣнной».

Какъ ни продолжительна была эта бурная жизнь, которая у обыкновенныхъ людей всегда почти оканчивается душевной смертію, Августинъ однакожъ никогда не доходилъ до того, чтобы совершенно заглушить въ себѣ чувство совѣсти и раскаянія. Въ то время, когда утихала буря страстей, онъ входилъ въ самого себя, и глубоко задумывался надъ состояніемъ своей души. Тогда чувственыя удовольствія казались ему недостойными человѣка; свѣдѣнія, прибрѣтаемыя отъ языческихъ наставниковъ, — суетными и даже вредными. Все представлялось ему въ мрачномъ видѣ; но его слабый взоръ еще не могъ воспользоваться тѣми лучами свѣта, которые проникали въ его душу съ словами матери, и онъ мучился, не имѣя возможности разогнать страшнаго мрака душевнаго

Во время такого безпокойнаго состоянія духа, попадаетъ ему въ руки сочиненіе Цицерона *Гортензій*, въ которомъ заключалось убѣжденіе къ любомудрію. Чтеніе Гортензія воспламеняетъ въ юношѣ столь сильное желаніе мудрости, что онъ готовъ былъ пожертвовать для нея всѣмъ земнымъ, и даже началъ серьезно думать объ обращеніи къ Богу ¹⁾. «Эта книга», пишетъ онъ, «измѣнила расположеніе души моеѣ, и я почувствовалъ перемѣну и въ молитвенныхъ своихъ прошеніяхъ и въ желаніяхъ и въ обѣтахъ... Она побудила меня искать мудрости, которая называется по гречески философія; она зажгла во мнѣ непреодолимое желаніе полюбить не ту или другую секту, но самую мудрость, какова бы она ни была, поискать ее, обрѣсти, воспріять и крѣпко накрѣпко держаться ея ²⁾».

¹⁾ Surgere iam coeperit ut rediret ad Deum. (Curs. Compl. I, 73)

²⁾ Cont. III, 1.

Гортензій былъ книгой полезной для Августина и въ другомъ отношеніи. Въ Гортензіѣ, какъ извѣстно, Цицеронъ развивалъ ту мысль, что плотское удовольствіе не только вредно для тѣла, но и есть величайшій врагъ философіи ¹⁾. Эта мысль имѣла величайшее вліяніе на Августина, потому что заставила его употребить всѣ усилія для очищенія и исправленія души, хотя и не скоро удалось ему достигнуть желаемой цѣли.

Желаніе найти мудрость и средство побѣждать страсти, заставило Августина обратиться къ св. Писанію, чтобы поближе познакомиться съ той книгой, которую непрестанно предлагала ему для руководства его благочестивая мать. Но такъ какъ одного желанія недостаточно для того чтобы найти истину; такъ какъ для отысканія истины нужна опредѣленная норма, а такой нормы Цицеронъ, какъ язычникъ, указать не могъ: то не удивительно, что св. Писаніе, на этотъ разъ, показалось Августину не заслуживающимъ сравненія съ блестящими сочиненіями языческаго оратора. «Цицеронъ былъ такъ изыщенъ, краснорѣчивъ, а Писаніе такъ просто, положительно и даже грубо. Не умѣя проникнуть въ глубину его возвышеннаго смысла, я не находилъ въ немъ для себя удовлетворительной пищи. Мнѣ не правилась внѣшняя оболочка языка его, а внутреннее содержаніе было недоступно для ума моего». (Conf. III, 5).

¹⁾ *Voluptatis motus, inquit Cicero, est inimicissimus philosophiæ. Congruere enim cum cogitatione magna voluptas corporis non potest. (Conti. Julian. pelag. IV, 14).* И потому Августинъ въоспѣдствіи поставлялъ на видъ пелагіанамъ, что если Цицеронъ, язычникъ, говоритъ противъ похотей плоти, то какъ могутъ одобрять ихъ христіане? Вообще онъ очень уважалъ сочиненія Цицерона. Но его мнѣнію, нѣтъ ничего лучше на латинскомъ языкѣ какъ Цицеронъ. (I, 1204). Особенно нравились ему философскіе трактаты. Изъ нихъ взялъ онъ, напримѣръ, нѣкоторые идеи о назначеніи и раздѣленіи силъ души. Въ нихъ находилъ онъ подтвержденіе своей любимой мысли о томъ, что наша душа имѣетъ истину отъ Бога. (*Aeternos animos, inquit Cicero, ac divinos habemus. De Trin. XV, 19).*

Не имѣя еще вѣрнаго взгляда на природу зла, которое такъ сильно дѣйствовало въ Августинѣ, онъ вообразилъ себѣ, что все тѣлесное враждебно духовному; и потому съ наибольшимъ предубѣжденіемъ смотрѣлъ на книги ветхаго завѣта, въ которыхъ встрѣчалъ образность ученія о Богѣ и служенія ему: жизнь патриврховъ казалась ему слишкомъ плотскою, законъ Божій человѣку слишкомъ несовершеннымъ и т. п. (ib.).

На 20-мъ году, по совѣту своихъ учителей, особенно же учителей риторики, онъ началъ изучать категоріи Аристотеля. «Съ непонятною жадностію бросился я на такъ называемыя десять категорій Аристотеля, какъ на нѣчто чрезвычайное, божественное; и перечиталъ ихъ и уразумѣлъ самъ собою. Мнѣ говорили, что эти книги можно выразумѣть только съ помощію ученѣйшихъ и самыхъ искусныхъ руководителей, и притомъ при посредствѣ разныхъ знаковъ; но я понялъ ихъ самъ, для меня было все ясно» ¹⁾).

Категоріи, какъ извѣстно, есть одинъ изъ шести трактатовъ Аристотеля по логикѣ, гдѣ онъ опредѣлялъ отношеніе мысли къ ея выраженію въ словѣ, а также отношеніе мысли къ бытію. Знаніе этихъ категорій, или общихъ понятій, которыя мы непременно или сказываемъ о какой либо вещи, или отрицаемъ, было очень важно и въ психологическомъ отношеніи; потому что Аристотель, почитая логику средствомъ для познанія истины, проводилъ ту мысль, что сила мышленія приспособлена къ жизни міра и находится съ нею въ гармоніи. Августинъ однакожъ замѣчаетъ, что изученіе этихъ категорій доставило ему не столько пользы, сколько вреда; ибо вмѣсто того, чтобы вывести его изъ мрака чувственныхъ представленій, категоріи еще болѣе погрузили въ этотъ мракъ. «Я и о Тебѣ, Боже мой, разсуждалъ подѣ вліяніемъ этихъ категорій;

¹⁾ Conf. IV, 16.

я силился и Тебя обнять своимъ умомъ и подчинить ему, думая, что и Ты опредѣляешься величиною или красотою своею, которая въ Тебѣ, какъ въ субъектѣ, содержится точно также какъ и во всякомъ тѣлѣ» ¹⁾).

Такая дѣятельность безпокойная, такое исканіе истины безнадежное становятся для Августина наконецъ невыносимыми. Юный, неопытный, откровенный, онъ чувствуетъ необходимость въ обмѣнѣ мыслей съ людьми учеными, ищетъ сочувствія ихъ, помощи. Неудивительно, что подъ вліяніемъ этого чувства, онъ очень радъ былъ встрѣчѣ съ манихейскими философами, которые общали неутомимому труженику знаніе истины, непознанной въ ея источникѣ.

¹⁾ Ibid. Хотя въ *Confessiones* нѣтъ яснаго указанія на то, чтобы Августинъ изучалъ въ это время и другія сочиненія Аристотеля по въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что ему было хорошо извѣстенъ этотъ философъ, подоживши начало систематическому изложенію психологій. Августинъ читалъ сочиненія Аристотеля, конечно, только въ переводахъ Цицерона, или же Плотина.

(Въ *Conf.* голько сказано: *Et quid mihi proderat quod omnes libros artium quas liberales vocant, tunc nequissimus malarum cupiditatum servus per meipsum legi et intellexi, quoscumque legere potui?* IV, 16).

Августинъ называетъ Аристотеля чужемъ превосходнаго ума, который хотя не могъ сравниться съ Платономъ по краспорѣчію, по превосходилъ многихъ. (*Eloquio Platonis quidem impar, sed multos facile superans. De Civ. Dei VIII, 12*). Онъ находилъ достойною вниманія мысль Аристотеля о томъ, что душа есть микрокосмъ, въ которомъ отражается весь міръ. Онъ сочувствовалъ его ученію о томъ, что наша нравственная дѣятельность должна состоять въ повиновеніи чувственности разуму, что совершенная нравственность возможна голько тамъ, гдѣ нравственная свобода превратилась какъ бы во вторую природу. (*Arist. Eth. N I, 13. N VI, 6. — August. de anima*). Интересно для Августина въ сочиненіяхъ Аристотеля было и то, что этотъ языческій философъ опровергалъ ученіе о душѣ всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ.

Но Аристотелевъ взглядъ на душу какъ на ангелескію гѣла, его слабое рѣшеніе вопросовъ о высшихъ свойствахъ души человѣческой, особенно же объ ея безмергій, не могли правитися Августину, и потому онъ нерѣдко указывалъ на эти недостатки психологій Аристотеля. (*De civ. Dei XII, 25. XXII, 11*).

Манихеизмъ кажется ему имѣющимъ свою собственную, оригинальную философію, и притомъ такую, которая все вниманіе обратила на объясненіе природы добра и зла, и слѣд. можетъ дать, какъ ему казалось, очень скорый и удовлетворительный отвѣтъ на его задушевный вопросъ: «что такое зло и какъ побѣдить его?»

Есть два совѣчныя начала, отвѣчаютъ ему манихеи: одно доброе, а другое злое. Доброе начало есть Богъ свѣта, окруженный безчисленнымъ множествомъ свѣтлыхъ духовъ и обитающій въ безтѣлесномъ, свѣтозарномъ, блаженномъ мѣстѣ. Злое начало, напротивъ, есть князь тьмы, который обитаетъ въ странѣ исполненной мрака, дыма, тины, огня и вѣтра; окруженъ духами мрачными, злыми, имѣющими въ немъ начало своего существованія ¹⁾.

Человѣкъ обѣими сторонами своей природы субстанціально соединенъ съ этими первыми, но противоположными началами вселенной, и въ немъ замѣчается самая высшая степень противоборства добраго начала злomu ²⁾. Итакъ надобно допустить въ человѣкѣ двѣ души: одну добрую, а другую злую: первая есть часть того свѣта, который разсѣянъ во всемъ мірѣ и соединенъ съ матеріей; вторая есть произведеніе темнаго начала, которое, сосредоточившись въ человѣкѣ, должно было принять свою форму, произвести свою душу, діавольскую ³⁾.

Хотя изъ этихъ главныхъ положеній манихейской системы само собою слѣдовало, что злое начало не только непобѣдимо для человѣка, но есть вѣчный врагъ самого Бога; но Августинъ нашелъ полезнымъ довольствоваться и этимъ слѣдствіемъ,

¹⁾ Contr. epist. fund. 13. 15. 28. Contr. Faust. man. XXI, 1.

²⁾ De nat. bon. c. 46.

³⁾ Confes. V, 10.

потому что оно давало ему право не слишкомъ беспокоиться, когда нѣтъ возможности побѣдоносно окончить борьбу со страстями.

«Такъ какъ я», пишетъ Августинъ, «по благоговѣйному чувству не могъ допустить, чтобы благій Богъ сотворилъ злое существо, то мнѣ казалось лучшимъ допустить двѣ субстанции, взаимно огъ вѣчности противоположныя, т е два вѣчныя начала добра и зла. Мнѣ нравилось учение манихеевъ, которые проповѣдовали, что когда совершается нами грѣхъ, то это не мы грѣшимъ, а грѣшить въ насъ какая-то другая природа; моей гордости приятно было слагать вину съ себя на что-то другое» ¹⁾

Манихейская философія могла нравиться Августину и потому, что представляла богатую пищу для его пламеннаго, африканскаго воображенія. Ему, на первыхъ порахъ, не могли не быть занимательными рассказы манихеевъ о томъ, какъ члены темнаго царства, постоянно преслѣдуя другъ друга, случайно достигаютъ границъ свѣтлаго царства, о которомъ прежде не слыхали, и рѣшаются заключить между собою миръ, лишь бы только имѣть возможность завоевать это царство; какъ Богъ, для того чтобы защитить свои владѣнія, отдѣляетъ отъ своего существа часть силы, образуетъ изъ нея героя и противопоставляетъ этого «перваго человѣка» вражескому войску; какъ потомъ мрачныя силы похищаютъ у этого человѣка большую часть свѣта и ставятъ благаго Бога въ необходимость отдѣлить отъ своего существа большую силу, образовать новаго духа и послать его на помощь побѣжденному; какъ наконецъ и этотъ сильнѣйшій герой (Христосъ) успѣваетъ только освободить прежняго героя изъ плѣна, но не имѣетъ

¹⁾ Ibid

возможности отнять у злыхъ духовъ той части свѣта, которая была поглощена ими и т. п. ¹⁾).

Къ принятію манихейской системы было у Августина побужденіе и чисто религіозное. Въ этой системѣ онъ встрѣтилъ имя Христа, которое привыкъ слышать съ дѣтскихъ лѣтъ и котораго напрасно искалъ въ самыхъ лучшихъ языческихъ сочиненіяхъ. Манихеи почитаютъ себя послѣдователями Христа, и притомъ самыми вѣрными; они проповѣдуютъ необходимость помощи Его и единенія съ Нимъ, надѣются на Его награды. Итакъ, думалъ Августинъ, я исполню не только свое желаніе, сдѣлавшись манихеемъ, но и желаніе благочестивой матери ²⁾).

Но присмотрѣвшись ближе къ этой философіи, Августинъ замѣтилъ, что она не только не разгоняетъ мрака душевнаго, а еще увеличиваетъ этотъ мракъ.

Манихеи, говоритъ онъ, желая возвысить человѣка, на самомъ дѣлѣ страшно унижаютъ его. Истекая изъ божественнаго существа, свѣтлая субстанція, по ихъ мнѣнію, проникаетъ всѣ предметы міра, съ тѣмъ только различіемъ, что въ однихъ она крѣпче соединена съ матеріей, а въ другихъ слабѣе. Слѣдовательно между душой человѣка и душами животныхъ нѣтъ существеннаго различія. Каждое животное имѣетъ ту же самую разумную душу, какъ и человѣкъ, только въ болѣе рабскомъ состояніи; даже въ растеніяхъ и камняхъ распространена живительная свѣтлая субстанція ³⁾). При этой системѣ не могло быть и рѣчи о единствѣ человѣческаго существа, объ истинной свободѣ духа. Добрая душа человѣка представляется частию божества; но если самъ Богъ не свободенъ и не всемо-

¹⁾ De vera relig. c. 9. Contr. Faust. man. II, 3. 4. 5.

²⁾ De utilit. cred. c. I.

³⁾ Contr. Iul. pelag. II, 3,

гущь, то какимъ образомъ можетъ быть свободенъ человѣкъ ¹⁾? Эта система, наконецъ, не представляла ничего отраднаго и въ будущемъ. Такой строгій дуализмъ не могъ допустить теоріи о воскресеніи тѣла. Тѣ души, которыя въ продолженіе этой жизни достаточно очистились отъ всего матеріальнаго, и такимъ образомъ принадлежать къ числу избранныхъ, тотчасъ послѣ смерти будутъ приняты въ свѣтлое царство; но прочія, смотря по различію страстей, которымъ предавались въ этой жизни, перейдутъ, послѣ смерти своего тѣла, въ животныя или растительныя тѣла, пока не окончатъ процесса своего очищенія ²⁾.

Девять лѣтъ Августинъ принадлежалъ къ сектѣ манихейской; но это не значитъ, что онъ такъ долго былъ ея вѣрнымъ послѣдователемъ. Напротивъ, все это время было для него временемъ колебаній и сомнѣній, и его проникательный умъ очень скоро замѣтилъ, что истины нѣтъ у манихейскихъ философовъ, что «предлагаемая ими пища состоитъ не изъ тѣхъ стихій, которыя могутъ насытить душу, а походить на пищу принимаемую нами во снѣ» ³⁾. Онъ даже часто порывался вывести душу изъ мрачныхъ и чувственныхъ фантазмовъ и вознестись въ свѣтлыя страны истинно прекраснаго; «но подъ гнегомъ суетныхъ мечтаній и заблужденій, говоритъ Августинъ, изнемогала и падала она, и снова увлекало меня въ такое несчастное положеніе, въ которомъ нельзя было оставаться, но изъ котораго нельзя было и выйти ⁴⁾. Укоряющіе меня не знаютъ, какъ трудно исправить глазъ внутренняго человѣка до

¹⁾ Non enim propria voluntate peccat anima, sed alterius ducta (Contr. Secund. man. c. 9) Libertatem voluntatis habuisse dicere non potestis, quam totus Deus ipse non habuit. (De fid. c. man. II, 3.

²⁾ Contr. Faust. man. XX, 21. De morib. man. II, 17.

³⁾ Cont. III, c. V, 3

⁴⁾ Ibid. IV, 7.

такой степени, чтобы онъ могъ смотрѣть на самое солнце» ¹⁾ Притомъ же, кто на моемъ мѣстѣ не соблазнился бы общаніями манихеевъ, которые постоянно говорили, что приведутъ меня къ Богу и освободятъ отъ всѣхъ заблужденій? Я былъ еще юноша; мой духъ жаждалъ истины, мнѣ было непріятно разстаться съ пріобрѣтенными философскими свѣдѣніями, которыми я могъ, какъ мнѣ говорили манихеи, гордиться» ²⁾.

Августинъ серьезно усумнился въ вѣрности обѣщаній манихейскихъ по прибытіи въ Карфагенъ нѣкогого Фавста, который почитался свѣтиломъ между манихеями. Съ полнымъ довѣріемъ онъ обратился къ этому, давно жившему философу; но послѣ первой бесѣды съ нимъ увѣрился, что ученіе манихеевъ пусто и можетъ увлекать только легковѣрныхъ.

«Такъ какъ я много перечиталъ философскихъ сочиненій и затвердилъ ихъ основныя положенія, то кое-что изъ нихъ я сталъ сравнивать съ тѣми вымыслами манихейскими, которые предлагалъ мнѣ Фавстъ во всемъ обилии. И что же? Мнѣ показалось болѣе заслуживающимъ вниманія и вѣроятія то, чему учили эти философы, которые возмogli по крайней мѣрѣ уразумѣть міръ, хотя Творца и не обрѣли»... «Въ несвязныхъ и невѣжественныхъ вымыслахъ манихейскихъ, провѣренныхъ имѣвшимися уже у меня запасомъ познаній, я не могъ придти ни къ какому заключенію, кромѣ того положительнаго убѣжденія, что ученіе манихейское, по своей несостоятельности, далеко не похоже на ученіе мыслящихъ философовъ» ³⁾.

Это былъ кризисъ, когда Августинъ, какъ самъ говорить, былъ исполненъ сомнѣнія во всемъ, подобно академикамъ ⁴⁾.

¹⁾ *Conti. epist. man. fund.* I, 2.

²⁾ *De util. cred.* c. I.

³⁾ *Conti.* V, 3.

⁴⁾ *Ibid.* VI, 1.

Онъ былъ выведенъ изъ этого страшнаго скептицизма св. Амвросіемъ Медиоланскимъ, или лучше, онъ, при содѣйствіи этого святителя, «сталъ на распутіи, готовясь вступить на путь правый» ¹⁾).

Августинъ обратился къ св. Амвросію изъ простаго любопытства, — хотѣлъ послушать прославляемаго всѣми оратора и исключительно обратить вниманіе на его краснорѣчіе. Но вмѣстѣ съ словами проповѣдника проникала въ его душу и истина. Бесѣды Амвросія привели его къ той мысли, что католическая вѣра можетъ быть доказана и изъ разума. Почему же, подумалъ онъ, не можетъ быть доказана изъ разума и ложность манихейскаго ученія о добрѣ и злѣ? Онъ началъ напрягать всѣ силы ума для достиженія этой цѣли; но полнаго успѣха не могъ имѣть, потому что еще не имѣлъ яснаго представленія о духовной субстанціи. «Сильно вопіяло мое сердце противъ всѣхъ моихъ фантазмовъ; я хотѣлъ отогнать нечистоту отъ ума моего, но едва отогнанная, она являлась снова и омрачала его. И Твое естество, неплѣнное и неизмѣняемое, которое я предпочиталъ всему тлѣнному и измѣняемому, я принужденъ былъ представлять себѣ, хотя не въ формѣ человѣческаго тѣла, но однакоже чѣмъ-то тѣлеснымъ, или наполняющимъ міръ, или даже разлитымъ вѣсь міра чрезъ безконечныя пространства... Я снова сталъ доискиваться причины, откуда зло, и не находилъ выхода изъ этого лабиринта. Чѣмъ болѣе я углублялся въ вопросъ о происхожденіи зла, тѣмъ болѣе впадалъ въ бездну недоумѣній. Я старался вывести изъ этой бездны умъ, и погружался въ нее снова. Я зналъ только то, что имѣю волю, и слѣдовательно когда я чего желалъ или не желалъ, то совершенно былъ увѣренъ, что это я, а не другой, желаю или не желаю. Наконецъ, когда въ глубочайшемъ уеди-

¹⁾ Ibid VI, 4

неніи я сосредоточилъ все усилія къ разрѣшенію неразрѣшимого вопроса; то таившіяся въ душѣ моей терзанія какъ бы проторились изъ нея въ громкихъ рыданіяхъ и вознеслись къ престолу милосердія Твоего» ¹⁾).

Слѣдствіемъ такихъ усилій была рѣшимость его совершенно оставить манихеевъ. Но это еще не значило, замѣчаетъ онъ, что я рѣшился принять католическую вѣру; я хотѣлъ быть въ какомъ состояніи, въ какомъ былъ у родителей въ дѣтствѣ, т. е. оглашеннымъ православной вѣрой, до тѣхъ поръ, пока не увижу ясно истины. Я былъ тогда подобенъ тому больному, который потерпѣвши отъ худаго врача, боится поручить себя и хорошему: я боялся вѣрить, чтобы не принять лжи за истину, и потому противился врачеванію

На 31 году Августинъ начинаетъ читать сочиненія Платона и неоплатониковъ, которыя проливаютъ нѣкоторые лучи истиннаго свѣта въ его душу ²⁾. Его духовный глазъ укрѣп-

¹⁾ Ibid VII, 1. 3.

²⁾ «Имѣющему возможность», говоритъ Saisset, «читать Платона только въ таинскомъ переводѣ, Августину трудно было познакомиться поближе съ образомъ съ диалогами этого философа. Но сочиненія Августина ясно показываютъ, что ему извѣстны оная знаменитая часть творенія Платона, и разумѣю тѣ диалоги афинскаго философа, которые платинимъ образомъ посвящены практическому методу, какъ то Софистъ и Парменидъ. Извѣстны были такъ же Федръ, Республика, Горгіасъ. Но болѣе всего, кажется, они изучали Имя, въ которомъ сохранилась теорія идеи, ученье о провидѣніи, прирѣдѣ и происхожденіи души, устройство міра, словомъ — лучшая часть метафизики» (*Trad de la Cité de Dieu, introd 41*)

Августинъ ясно обрамилъ мысли у Платона, но не всегда правильно понималъ его «Платонъ», пишетъ Августинъ, «раздѣлять философію на три части нравственную, физическую, наконецъ логику. Но», замѣчаетъ Saisset, «напрасно стали бы мы искать у Платона подобнаго раздѣленія философіи, оно явится гораздо позже не только Платона но даже Аристотеля. Кажется, что Августинъ, говоря такими образомъ, не имѣлъ предъ глазами сочиненія Платона, а судить объ нихъ по слухамъ, по свидѣтельству учениковъ, которые иногда неправильно понимали Платона».

ляется, ясные различает міръ духовный отъ міра тѣлеснаго, матерію отъ Бога, и чувствуетъ себя болѣе способнымъ къ созерцанію истины, хотя видитъ только тѣнь ея.

Въ этихъ сочиненіяхъ Августинъ вычиталъ много такихъ истинъ, которыя были взяты какъ будто изъ св. Писанія, хотя и нѣсколько иначе выражены. Тамъ нашелъ онъ мысль о Богѣ — Словѣ, какъ источникѣ всего живущаго и свѣтѣ немерцающемъ. Тамъ узналъ, что человѣческая душа сама по себѣ не есть свѣтъ, а только озаряется свѣтомъ высшимъ, божественнымъ. Но полной истины, или той мудрости, любовь къ которой онъ получилъ по прочтеніи Гортензія, неоплатоническіе философы доставить ему не могли, потому что въ ихъ сочиненіяхъ самыя вѣрныя и прекрасныя идеи были перемѣшаны съ заблужденіями. Эти прекрасныя идеи, какъ выражается Августинъ, были тѣмъ златомъ и серебромъ, которое надобно было взять и перелить, чтобъ вышли изъ него сосуды годные для вѣчнаго храма истины. Но самое главное, въ сочиненіяхъ неоплато-

Августинъ даже не строго различалъ Платонову философію отъ Аристотелевой «Очень умные люди», пишетъ онъ, «доказываютъ, что между Аристотелемъ и Платономъ есть такое сходство, что только невѣжды и невнимательные могутъ прогнать одного другому». (Contr. acad. III, 19). Такъ думаетъ онъ, конечно, слѣдя Цицерону, который сказалъ, что академики и перипатетики одна и таже секта подъ двумя именами (Fusc. I).

Истинными учителями Августина были неоплатоники, которыхъ онъ называетъ вообще платониками; а подъ именемъ этихъ платониковъ разумѣетъ главнымъ образомъ Плотина, Порфирія и Ямвлиха, которые были ему извѣстны изъ переводовъ ритора Викторина; а также причисляетъ къ платоникамъ Апулея (De Civ. Dei XIII, 12.).

Особенно же пользовался онъ Плотинѣю и Порфиріемъ. Плотинъ, по его мнѣнію, есть подражатель Платона, почти второй Платонъ (Contr. acad. III. 18). На Порфирія Августинъ долженъ былъ обратить вниманіе уже потому, что этотъ философъ дополнилъ Плотина. У Порфирія очень много было разсужденій о нравственныхъ предметахъ, которые для Августина, особенно во время борьбы его съ еретиками, были очень полезны.

никовъ не было имени Христа, не было ничего сказано объ Его воплощеніи, страданіи, смерти, воскресеніи; и слѣдовательно отдать себя этимъ философамъ съ полнымъ довѣріемъ, значило отказаться отъ самыхъ лучшихъ воспоминаній и надеждъ.

Но не представивъ полной истины, платоническіе философы однакожь представили ясное доказательство того, что есть истина, и указали путь къ познанію ея, который Августинъ нашелъ очень вѣрнымъ. Надобно, говорили неоплатоники, достигать познанія вѣчной и неизмѣнной истины постепенно: надобно восходить отъ тѣла къ душѣ чувственной, которая посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ ощущаетъ внѣшній міръ; отсюда къ ея внутренней силѣ, которой внѣшнія ощущенія приносятъ вѣсть о внѣшнемъ мірѣ, насколько можетъ вмѣстить это душа животныхъ; затѣмъ, къ силѣ мыслящей и разумной, которая уже судитъ о полученныхъ ею впечатлѣніяхъ. Наконецъ, разумъ, сознавая, что все неизмѣнное лучше измѣняемаго, долженъ отрѣшиться въ мысленіи своемъ отъ всѣхъ чувственныхъ образовъ, войти во внутреннюю храмину души, и тамъ открыть тотъ истинный свѣтъ, съ помощію котораго можно познать самое бытіе неизмѣняемое ¹⁾.

«И я вошелъ въ эту храмину души; я вошелъ, и узрѣлъ тамъ внутреннимъ окомъ, что выше моего глаза душевнаго, выше моего ума есть свѣтъ неизмѣняемый, не тотъ обыкновенный свѣтъ, который созерцается всякою плотію, но совершенно иной... Кто позналъ истину, тотъ позналъ и этотъ свѣтъ; а кто позналъ этотъ свѣтъ, тотъ позналъ и вѣчность. И я понялъ, что нѣтъ болѣе причины сомнѣваться; что скорѣе можно сомнѣваться въ томъ, что живу, нежели въ томъ, что нѣтъ истины.» ²⁾.

¹⁾ Conf. VII, с. 17.

²⁾ Ib. 10.

«Чтеніе сочиненій Платоновыхъ навело меня на мысль искать истины превыше міра чувственнаго, и я устремилъ взоръ свой въ міръ сверхъчувственный; но будучи пораженъ величіемъ божественнаго свѣта, отступилъ назадъ, и понялъ, что истина все еще недоступна для меня. Находясь подъ гнетущимъ бременемъ міра сего, я испытывалъ нѣчто подобное тому, что бываетъ во свѣ съ нами; самыя мысли мои, коими пытался я возвыситься къ Богу, были подобны усиліямъ тѣхъ, которые желаютъ проснуться, но одолаваемые сномъ, никакъ не могутъ... Посему я искалъ руководителя болѣе надежнаго, искалъ, но нигдѣ не находилъ, пока не обратился съ вѣрою и любовію къ единому Ходатаю между Богомъ и человѣкомъ, человѣку Христу—Исусу, который воззвалъ ко мнѣ издалека: Азъ есмь путь, истина и животъ.» ¹⁾).

Такимъ образомъ Августинъ въ это время еще не могъ воспользоваться надлежащимъ образомъ тѣмъ средствомъ, которое предлагали неоплатоники для познанія Бога; но онъ воспользовался этимъ средствомъ для познанія природы своей души, и могъ уже вѣрно отвѣчать на вопросъ, такъ долго мучившій его: что такое зло и какъ побѣдить его? «Уяснилось для меня» пишетъ онъ, «что всѣ существа, подверженныя порчѣ, не могутъ быть ни совершенно благими, ни совершенно злыми... Все, что ни существуетъ, есть добро, ибо иначе оно не могло бы существовать; а зло есть не какая либо сущность, а только недостатокъ добра... Зло есть произведеніе нашей свободной воли, а потому можетъ быть уничтожено.» ²⁾).

Послѣ этого для Августина оставалось одно: найти примѣръ человѣка, который собственнымъ опытомъ доказалъ бы,

¹⁾ Ів. VII, 17. 18. VIII, 5.

²⁾ Ів. VII, 12—17.

что зло можетъ быть побѣждено добромъ. Такой примѣръ представляется ему въ исторіи преподобнаго Антонія.

Окончательную перемѣну въ Августинѣ произвела повѣсть о жизни Антонія, которую рассказывалъ нѣкто Понтиціанъ, случайно зашедшій къ нему. Выслушавъ эту повѣсть, Августинъ обращается къ другу своему Алипію, съ слѣдующими словами: «Чего мы ждемъ? Невѣжды похищаютъ небо, а мы съ нашими званіями утопаемъ въ плоти и крови?»—и потомъ вышелъ въ садъ, и повергшись на землю, зарыдалъ, припоминая свои беззаконія. «Доколѣ, восклицалъ онъ, Боже гнѣвъ Твой! Долго ли будетъ это завтра и завтра? Почему не нынѣ, не теперь конецъ моего непотребства? Въ это время слышитъ онъ изъ сосѣдняго дома голосъ дитяти, на распѣвъ произносимыя слова: «возми и читай!» Это заставило его взять книгу св. Писанія, и первый стихъ, на которомъ остановились глаза его, послужилъ для него и укрѣпленіемъ и утѣшеніемъ: *«якоже во дни благообразно да ходимъ, не козлогласованіи и пїянствы, не любодѣянии и студодѣянии, не рвеніемъ и завистию; но облечытеся Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и плоти-угодія не творите въ похоти.»*¹⁾

Съ этого времени начинается второй періодъ дѣятельности Августина, дѣятельности въ нѣдрахъ Церкви православной. Обозрѣвая свою прошедшую жизнь, Августинъ ясно видитъ, что только всесильная десница Господня могла вывести его изъ той бездны, въ которую онъ низрипнулся, а потому рѣшается посвятить остатокъ дней на служеніе единому Богу, исповѣдуемому православною Церковію: «Я пересталъ уже» пишетъ онъ, «желать того, чего желалъ прежде. Не тѣлесную красоту, не временную славу я люблю теперь, а люблю Бога моего.»²⁾

¹⁾ Рим. XIII, 13

²⁾ Conf. IX, 1 X, 6

Иное направлєніе принимаетъ и его ученая дѣятельность. Ему уже нѣтъ большой нужды обращаться къ языческимъ философамъ за свѣдѣніями. Св. писаніе и преданіе Церкви, вотъ что составляетъ теперь главный предметъ его вниманія, вотъ источникъ, изъ котораго онъ, по преимуществу, почерпаетъ истину. Съ этого времени онъ заботится о томъ, чтобы озарить свѣтомъ откровенія пріобрѣтенное отъ языческихъ философовъ, исправить свои познанія, усовершенить и принести на пользу христіанству.

Проведши первую половину жизни въ заблужденіяхъ, онъ другую половину посвятилъ на предостереженіе себя и другихъ отъ заблужденій. Эта полемическая дѣятельность, непосредственно начавшаяся по его обращеніи, продолжалась до самой смерти, съ необыкновенной ревностію и удивительными послѣдствіями. Ему казалось, что этою ревностію, этою заботливостію о ближнихъ онъ искупить собственные грѣхи: «Богъ, которому извѣстны внутренніе изгибы моей совѣсти, знаетъ, что исключительная цѣль моя — указать истину. Я давно рѣшился жить и ничего не щадить для истины»... ¹⁾.

Для того чтобы лучше подготовиться къ крещенію, Августинъ вмѣстѣ съ матерью, сыномъ и нѣкоторыми друзьями, удалился въ окрестности Медіолана (въ загородній домъ Верекунда, Кассаціумъ), и тамъ проводилъ время въ постоянныхъ бесѣдахъ о предметахъ вѣры и философіи. Особенно же любилъ объяснять посланія ап. Павла и псалмы, при чтеніи которыхъ часто воспоминалъ манихеевъ, и удивлялся ихъ нерасположенности къ ветхому завѣту: «я желалъ бы», говоритъ онъ, «чтобы манихеи, безъ моего вѣдома, находились вблизи меня, смотрѣли на мое лице и прислушивались къ моему голосу; когда

1) Ib. IX, 2

я, напримѣръ, читалъ 4-й псаломъ, они были бы поражены дѣйствиємъ этого псалма на мою душу!» ¹⁾).

Къ этому времени (т. е. 386 и 387 г.) относятся его первыя сочиненія, по большей части философскаго содержанія. Мы знаемъ уже, что Августинъ, разочаровавшись манихейской философіей, началъ было сомнѣваться во всемъ; но теперь онъ, какъ православный христіанинъ, ставши на камни вѣры, чувствуетъ и знаетъ, что такое истина и какое отъ нея благо. Весьма естественно послѣ этого, что въ своихъ *«Трехъ книгахъ противъ академиковъ»* онъ нападаетъ на скептицизмъ. (*Contra academicos lib. 3*). Безъ понятія объ истинѣ, говорить онъ, нельзя было бы достигнуть и вѣроятности; и если академики увѣрены, что ничего нельзя знать достоверно, то этимъ самымъ показываютъ, что они знаютъ о существованіи истины, которая заставляетъ ихъ иное утверждать, а иное отрицать. Но надобно помнить, что истина въ Богѣ, или, лучше, что только Онъ есть истинная мудрость, озаряющая нашъ разумъ; и слѣдовательно научиться мудрости можно только изъ Его откровенія.

Въ слѣдующемъ сочиненіи: *«О блаженной жизни»* (*De vita beati*), написанномъ въ томъ же году, Августинъ проводитъ ту мысль, что истина или мудрость есть единственное благо, обладаніе которымъ можетъ сдѣлать человека счастливымъ на землѣ, а потому истинный мудрецъ долженъ искать счастья внутри себя, а не внѣ, т. е. не въ чувственныхъ удовольствіяхъ. Но такъ какъ величайшая истина есть Богъ, а Богъ есть Творецъ и видимаго міра, въ которомъ замѣчаемъ не столько истину, сколько заблужденіе и порокъ, то Августинъ почелъ нужнымъ рѣшить весьма важный вопросъ: почему божественный порядокъ, замѣчаемый въ мірѣ, допускаетъ суще-

¹⁾ Ib. X, 1—6.

ствование зла? Ответъ на этотъ вопросъ заключается въ сочиненіи *De ordine*, которое есть родъ теодицеи.

Но если истина существуетъ въ мірѣ и составляетъ единственное счастье человѣка, то какимъ образомъ она достигается? Этотъ вопросъ рѣшаетъ Августинъ въ своихъ «*Самособесѣдованіяхъ*» (*Soliloquiorum lib 1. 2.*) написанныхъ въ 387 г. Такъ какъ истина созерцается духовнымъ окомъ, т. е. разумомъ, а разумъ бываетъ слабъ и немощенъ,—то надобно позаботиться объ увраченіи души; уврачевать же душу значитъ очистить ее отъ всѣхъ плотскихъ вожделѣній и страстей. Даже, прибавляетъ онъ, желающій познать истину или Бога, долженъ мысленно отрѣшиться отъ всего земнаго и чувственнаго.

Во 2-й части *Самособесѣдованій* Августина высказана мысль о томъ, что если душа есть обиталище вѣчной истины, то существованіе въ насъ истины служитъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ нашего безмертія; но мысль эта подробнѣе развита въ особомъ сочиненіи *De immortalitate animae*, которое, какъ онъ самъ говоритъ, состоитъ изъ домашнихъ замѣтокъ, писанныхъ для окончанія *Самособесѣдованій* ¹⁾.

Мы сказали уже, что въ этихъ сочиненіяхъ мало собственно богословскаго; въ нихъ господствуетъ платоническій спиритуализмъ и діалектика, хотя и преслѣдуется цѣль христіанская. Справедливо замѣчаютъ, что желая примирить философію Платона съ христіанскимъ ученіемъ. Августинъ въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ поставялъ центромъ примиренія плато-

¹⁾ Къ этому времени, наконецъ, относятъ большую часть писемъ Августина къ Небридію, этому, какъ онъ говоритъ, человѣку весьма благоразумному, оставившему все въ мірѣ, для того чтобы стремиться къ достиженію истины и мудрости. Небридій часто обращался къ Августину за рѣшеніемъ психологическихъ вопросовъ, и Августинъ, любя его, съ величайшею охотою отвѣчалъ. (*Conf. IV, 3. 11, 10.*)

низмъ, а потомъ, и притомъ постоянно, догматъ каволической церкви. Самъ онъ въ *Retractationes* высказываетъ сожалѣнiе, что слишкомъ много расточалъ похвалы *въ академикахъ* (III, 17. 37) Плотину, платоникамъ и философамъ академическимъ: «нечестивые» говоритъ онъ, «не заслуживаютъ быть такъ превозносимы» (I 1)

Въ 387 г. Августинъ былъ крещенъ, и вмѣстѣ съ нимъ сынъ его Адеодатъ и другъ Алипiй. Св. таинство сдѣлало необыкновенное впечатлѣнiе на душу Августина: «я, говоритъ онъ, не могъ въ это время насытиться чудною сладостiю размышленiя о глубинѣ Твоего совѣта касательно спасенiя чело-вѣка. Какъ я плакалъ при слышанiи гимновъ и пѣсней! Церковные звуки изливались въ мое ухо, истина орошала мое сердце, слезы лились невольно, и мнѣ было такъ легко.» (Conf. X, 6)

Послѣ крещенiя онъ сталъ думать о такомъ мѣстопробыванiи, которое давало бы возможность безпрепятственно заниматься благочестивыми размышленiями. Онъ рѣшился вмѣстѣ съ своими друзьями возвратиться въ Африку, и уже былъ въ Осиi, для того чтобы изъ этой гавани уѣхать на родину. Но внезапно заболѣла мать его, и заболѣла смертельно. Чрезъ 9 дней она умерла, утѣшенная мыслию, что сынъ ея есть уже православный христiанинъ, и что слѣдовательно будетъ кому молиться объ упокоенiи души ея. Августину тогда было 33 года.

Смерть матери измѣнила планъ путешествiя Августина. Вмѣсто того, чтобы отправиться въ Африку, онъ отправился въ Римъ, куда сопровождали его друзья — Алипiй, Эводiй и его братъ. Проживши въ Римѣ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ возвратился въ Тагастъ, въ свое загородное имѣнiе, доставшееся ему отъ родителей. Потомъ продалъ это имѣнiе, оставивши себѣ одинъ домикъ, и деньги роздалъ бѣднымъ. Тамъ онъ жилъ вмѣ-

стѣ съ своими друзьями 3 года, посвящая все время на молитву и ученыя занятія.

Въ это время психологическая дѣятельность Августина приняла видъ открытой полемики и, прежде всего, съ манихеями, которые соблазняли неопытныхъ христіанъ своею мнимою умѣренностію и воздержностію. Таковы труды: *De moribus manichaeorum* (388) и *De vera religione* (389).

Въ трактатѣ *О правахъ манихеевъ* онъ хотѣлъ опровергнуть ученіе этихъ философовъ о добрѣ и злѣ, и доказать имъ, что ихъ добродѣтель на самомъ дѣлѣ есть порокъ. Въ противоположность манихеямъ онъ говоритъ, что зло есть недостатокъ, а не что-либо самостоятельно существующее, и потому не можетъ быть произведено Богомъ. Всякій предметъ можетъ быть добромъ и зломъ по отношенію къ другому и при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Въ сочиненіи *Объ истинной религіи* Августинъ касается ученія манихеевъ о двухъ совѣчныхъ началахъ, и доказываетъ, что нелѣпо допускать существованіе въ человѣкѣ двухъ душъ, доброй и злой. Всякая жизнь отъ Бога, источника жизни. Жизнь, какъ жизнь, не есть зло, а бываетъ зломъ въ то время, когда уклоняется отъ источника жизни, и, оставляя нетлѣнную пищу, хочетъ питаться тлѣннымъ. Грѣхъ и наказаніе за грѣхъ есть зло, а потому за грѣхопадениемъ человѣка послѣдовала какъ духовная, такъ и тѣлесная смерть. Въ главахъ 24—37 говорится о томъ, какимъ образомъ къ уврачеванію человѣка служатъ авторитетъ и разумъ, и съ особенною подробностію — о разумѣ, который озаряется свѣтомъ божественнымъ и судить обо всемъ по законамъ вѣчной истины.

Кромѣ сочиненій писанныхъ противъ манихеевъ, онъ выдалъ *De quantitate animae* (388), *De musica* (388), *De magistro* (388). Эти сочиненія имѣютъ между собою тѣсную связь, по-

тому что писаны съ цѣлію объяснить природу души вообще и свойство разума въ особенности.

Въ сочиненіи *«О количествѣ души»*, онъ касается разныхъ метафизическихъ вопросовъ о душѣ, какъ то: происхожденія души, связи ея съ тѣломъ, господства надъ нимъ¹⁾. Но особенное вниманіе обратилъ на то, чтобы доказать духовность души: душа не имѣетъ въ себѣ ничего телѣснаго и пространственнаго, не увеличивается съ возрастомъ тѣла, а только дѣлается лучше и совершеннѣе.

Шесть книгъ *«О музыкѣ»*, написанныя въ часы досуга, имѣютъ цѣлію возвести къ Богу и вѣчной гармоніи духъ тѣхъ, кои любятъ словесность и поэзію. Но послѣдняя изъ этихъ книгъ очень важна для психологіи, потому что въ ней сперва говорится объ отношеніи звуковъ и чиселъ къ чувству, воображенію и памяти, а потомъ рѣшаются вопросы: какое участіе принимаетъ разумъ во всемъ томъ, что касается музыки и что особенно прельщаетъ его въ звукахъ и числахъ? Рѣшеніе этихъ вопросовъ привело Августина къ рѣшенію вопроса вообще о природѣ разумной души.

Сочиненіе *«Объ учителѣ»* есть разговоръ Августина съ 16-лѣтнимъ сыномъ своимъ Адеодатомъ о томъ, какое отношеніе имѣютъ слова къ понятіямъ. Августинъ доказываетъ, что слово хотя не есть простой звукъ, но не есть и самая мысль; оно не даетъ понятія о предметѣ, а только предполагаетъ это понятіе; учитъ же насъ внутренній учитель, вѣчная истина, Христосъ.

Въ 391 году Августинъ приглашенъ былъ въ Иппонъ, и, по требованію жителей этого города, долженъ былъ согласиться на принятіе пресвитерскаго сана. Епископъ, имѣя нужду въ

¹⁾ Unde sit anima, qualis sit, cur corpori fuerit data, et cum ad corpus venerit qualis efficiatur, qualis cum abscesserit. (с. I.)

человѣкъ знающемъ латинскій языкъ, особенно же въ защитникѣ православія отъ нападеній манихеевъ, очень радъ былъ такому случаю, и немедленно посвятилъ Августина въ пресвитера, предоставивъ ему право проповѣданія слова Божія даже въ своемъ присутствіи.

Августинъ и въ Иппонѣ велъ такую жизнь, какъ въ Тагастѣ, т. е. въ высшей степени аскетическую. Въмѣстѣ съ своими друзьями, которыхъ число увеличилось, онъ заводилъ братства, духовные институты, женскіе монастыри, и вообще заботился объ устроеніи жизни монашеской. Съ этой цѣлю было написано имъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ онъ убѣждалъ монаховъ какъ можно болѣе трудиться, потому что праздность, вредная для всякаго, особенно вредна для души монаха.

Но умноженіе сектантовъ и еретиковъ, во главѣ которыхъ были манихеи, заставило его обратить вниманіе на защиту православія. Такъ, по желанію епископа Валерія, онъ долженъ былъ вступить въ публичное преніе съ манихеемъ Фортунатомъ, и заставилъ его со стыдомъ уѣхать изъ Иппона. Потомъ почелъ обязанностію позаботиться о своемъ другѣ Гоноратѣ, увлекавшемся манихейскими заблужденіями, и для вразумленія его написалъ книгу «*О пользѣ свѣры*» (*De utilitate credendi*), гдѣ показываетъ, какъ безразсудны тѣ, которые, на томъ основаніи, что человѣческій умъ есть лучъ божества, хотятъ своимъ умомъ постигнуть таинства вѣры. Наконецъ выдалъ сочиненіе вообще противъ манихеевъ: «*О двухъ душахъ*» (*De duabus animabus*), которое замѣчательно особенно потому, что здѣсь Августинъ *актомъ сознанія* доказываетъ присутствіе въ человѣкѣ одной *души* (а не двухъ), а также свободу воли и безконечное превосходство души предъ всѣми предметами видимаго міра.

Званіе учителя и проповѣдника заставило его выдать «*Изъясненіе псалмовъ*» (*Enarrationes in Psalmos*), въ которомъ

онъ, постоянно отступая отъ собственнаго смысла Писанія, старается познакомить своихъ слушателей съ разными философскими предметами. Съ этой же цѣлю выданы имъ начатые еще въ 388 году «*Отвѣты на 83 вопроса*» (83 quaestionum)¹⁾.

Сдѣлавшись епископомъ Иппопа (395 г.), Августинъ съ величайшею ревностію сталъ проповѣдовать слово Божіе, почитая проповѣданіе первою обязанностію епископа: говорилъ проповѣди ежедневно, иногда даже по два раза въ день.

Его практическій умъ давалъ въ этихъ проповѣдяхъ, конечно, самое важное мѣсто наставленіямъ нравственнымъ: онъ хотѣлъ, чтобы жизнь и дѣйствія человѣка всегда гармонировали съ внутреннимъ настроеніемъ, а внутреннее настроеніе — съ требованіями христіанской религіи. Но ему казалось, что нравственная цѣль проповѣди не можетъ быть достигнута, если слушатель не будетъ имѣть осмысленнаго взгляда на предметы религіи, если вѣра его не будетъ и *знаніемъ*. Для достиженія подобнаго разумнаго убѣжденія въ истинахъ вѣры, онъ старался отыскивать въ видимыхъ предметахъ нѣчто подобное невидимымъ, особенно же любилъ обращать вниманіе слушателей на самихъ себя, т. е. въ природѣ и проявленіяхъ человѣческой души замѣчать черты и подобіе таинствъ вѣры²⁾.

На подобное объясненіе предметовъ религіи нерѣдко вызвали его люди образованные, желавшіе проникнуть своимъ

¹⁾ Для психологіи важно особенно начало этой книги, потому что на первыхъ страницахъ ея Августинъ разсуждаетъ о предметахъ подобныхъ слѣдующимъ: гдѣ душа имѣетъ основаніе своего бытія; въ какомъ отношеніи находится къ Богу; чѣмъ превосходитъ душу животныхъ; можетъ ли управлять тѣломъ, не измѣняясь; какого рода познанія приобрѣтаются чувствомъ.

²⁾ Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны слѣдующія слова: 150-е, гдѣ рѣшается вопросъ: въ чемъ состоитъ истинное счастье (de vita beata); 182-е о природѣ души и природѣ ла; 241-е о воскресеніи тѣла; а также толкованіе Августина на евангеліе и посланіе Іоанна.

разумомъ въ области вѣры. Для того чтобы показать этимъ людямъ совершенное согласіе здраваго разума съ истинной вѣрой, онъ написалъ огромный трактатъ «*О Троицѣ*» (*De Trinitate lib. XV*; начатъ въ 400, а оконченъ въ 416 г.), въ которомъ съ діалектическимъ остроуміемъ излагаетъ и объясняетъ ученіе св. Писанія о Богѣ троичномъ въ лицахъ. Почти вся вторая часть этого трактата (VII—XV) посвящена разсужденію о томъ, что разумъ можетъ приходить къ вѣрѣ въ троичность лицъ Божества чрезъ разсматриваніе гармоническаго дѣйствія силъ и способностей души, и не только души, но и тѣла, потому что тѣло есть орудіе души, созданной по образу Божію.

Съ принятіемъ епископской обязанности, должна была распространиться и полемическая дѣятельность. Увеличеніе числа ережиковъ и разнаго рода нововведенія въ ихъ системахъ заставляютъ его принимать самыя рѣшительныя противъ нихъ мѣры: онъ заботится о созваніи соборовъ, ищетъ содѣйствія другихъ православныхъ пастырей и учителей церкви, и заводитъ съ ними переписку о предметахъ вѣры и знанія, особенно же предметахъ спорных¹⁾.

Прежде всего видимъ Августина въ борьбѣ съ его древними врагами, манихеями, которые, для того чтобы ихъ ученіе не казалось противорѣчащимъ фактамъ историческимъ, старались искажать исторію, или же объяснять ее аллегорически. Разсказъ Моисея о твореніи человѣка, говорили они, невѣроятенъ, если понимать его буквально: Богъ поставилъ человѣка

¹⁾ У Августина есть нѣсколько писемъ очень важныхъ въ психологическомъ отношеніи, напримѣръ: о природѣ и происхожденіи души (165, 166, 190, 195, 205), о разумѣ (92, 147, 148), о свободной волѣ (234, 237, 246, 286), о высочайшемъ благѣ (118, 137), о свойствахъ тѣла прославленнаго (95, 102), о томъ, что смерть есть слѣдствіе грѣха (193)

Между поименованными письмами особенно замѣчательны: къ Герониму (166) и Оплату (190 и 195)

въ раю, и самъ же далъ ему случай сдѣлаться несчастнымъ; потомъ наказалъ Адама и Еву за ихъ грѣхъ, но вмѣстѣ съ ними наказалъ и всѣхъ потомковъ, не вкушавшихъ отъ плодовъ запрещеннаго древа. Итакъ или исторія невѣроятна, или должна быть понимаема иначе. Подобное направленіе манихейской полемики было причиною того, что въ сочиненіяхъ Августина, писанныхъ имъ въ санѣ епископа, преобладаетъ начало историческое. Это можно уже замѣтить въ его книгахъ «*О свободной волѣ*» (*De libero arbitrio*), которыя начаты имъ еще до пресвитерства. Въ первыхъ двухъ книгахъ онъ теоретически доказываетъ, что свобода воли есть необходимая принадлежность существа разумнаго, что безъ нея невозможно существованіе въ насъ разума; но въ 3-й книгѣ, писанной не ранѣе 395 года, онъ занимается объясненіемъ исторіи того, какъ первый человѣкъ злоупотребилъ свободной волей, какія были слѣдствія грѣхопаденія Адама для насъ, его потомковъ; какіе грѣхи надобно приписывать теперь дѣйствию свободы и какіе дѣйствию первороднаго грѣха.

Но особенно замѣтно преобладаніе исторіи въ двухъ *Буквальныхъ изъясненіяхъ книгъ Бытія*¹⁾,* и въ XXXIII книгахъ *Противъ Фавста манихея*, (*adversus Faustum manichaeum*, 400 г.) Цѣлю перваго сочиненія было показать, вопреки манихеямъ, что повѣсть Моисея о сотвореніи міра и человѣка, принимаемая въ буквальномъ смыслѣ, не содержитъ въ себѣ никакихъ несообразностей. Во второмъ сочиненіи Августинъ опровергаетъ всѣ возраженія манихеевъ на св Писаніе новаго и преимущественно ветхаго завѣга²⁾.

¹⁾ Одно неоконченное (*opus imperfectum*), а другое полное (состоящее изъ XII книгъ (*De Genesi ad litteram* — писано отъ 401 до 415)

²⁾ Манихейское ученіе опровергается также въ слѣдующихъ книгахъ

Quaestiones (къ Симилициану. 397), *Contra epistolam manichaei fundamentum dictam* (397), *De natura boni contra manichaeos* (404).

Ослабивъ манихеизмъ, Августинъ долженъ былъ (съ 411 г.) вступить въ самую продолжительную¹⁾ борьбу съ новыми врагами православія—пелагіанами.

Пелагій, какъ извѣстно, былъ британскій монахъ, въ началѣ 5-го вѣка прибывшій въ Римъ и жившій здѣсь очень долго. Такъ какъ въ Римѣ въ то время царствовало ужасное развращеніе нравовъ, и люди, въ извиненіе своего разврата, указывали на испорченность и немощъ природы человѣческой: то Пелагій почелъ необходимымъ доказать, что человѣкъ всегда можетъ, если захочетъ, сдѣлаться добродѣтельнымъ, имѣя драгоценное богатство духовное. Но будучи уже старъ, и чувствуя себя недовольно сильнымъ для того, чтобы состязаться съ людьми учеными, онъ призывалъ на помощь Целестія, человѣка молодаго, энергическаго и удивительнаго диалектика; этотъ помощникъ и развилъ ученіе его систематически.

Душа наша, проповѣдовали пелагіане, всегда есть образъ Божій и потому чиста. Несправедливо то, что человѣкъ рождается со грѣхомъ. Грѣхъ не можетъ переходить отъ родителей къ дѣтямъ, потому что есть нѣчто случайное, есть недостатокъ не природы, но свободы нашей. Мы рождаемся на свѣтъ, не имѣя ни добродѣтели ни порока, и прежде нежели начнетъ дѣйствовать въ человѣкѣ свободная воля, въ немъ есть только то, что Богъ создалъ. Слѣдовательно младенцы находятся въ такомъ же состояніи, въ какомъ находился Адамъ до паденія, съ тѣмъ только различіемъ, что младенцы не могутъ еще исполнять заповѣдей Божіихъ, а первый человѣкъ исполнялъ ихъ и пользовался свободою волею. Да и вообще нынѣшній человѣкъ не много различается отъ невиннаго Адама. Если у насъ

¹⁾ О литературной дѣятельности Августина *противъ догматистовъ* мы не говоримъ, потому что эта дѣятельность ограничивалась рѣшеніемъ вопросовъ чисто церковныхъ, о папствахъ, о крещеніи младенцевъ.

нѣтъ надлежащаго отношенія между разумомъ и свободной волей, то причина этого заключается въ частомъ совершеніи грѣховъ, которое можетъ обратиться въ привычку, эту вторую природу. Мы жалуемся на тѣлесныя страданія и смерть, и почитаемъ ихъ слѣдствіями грѣха; но подобныя явленія естественны, необходимы въ конечномъ существѣ¹⁾.

Неудивительно, что при такомъ понятіи о природѣ человѣка, рѣшительно нѣтъ мѣста ученію о необходимости благодати Божіей для нашего спасенія²⁾. Человѣкъ и своими силами можетъ избѣгать зла и дѣлать добро. Не только вѣра и начало оправданія зависятъ отъ нашей свободной воли, но мы даже можемъ возвыситься сами до высочайшей степени добродѣтели, такъ что не будемъ имѣть нужды взывать къ Богу: *остави намъ долги наша*. Ибо что для этого нужно? Нужно имѣть: 1) правильное познаніе закона. Но такое познаніе легко пріобрѣтается при помощи разума, который всегда есть у человѣка, и всегда можетъ пользоваться откровеніемъ. Нужно имѣть 2) способность желать добра и отвращаться отъ зла. Но для чего же Богъ и далъ намъ свободную волю, какъ не для того, чтобы человѣкъ, будучи способенъ избирать и добро и зло, естественно могъ направлять свою волю къ добру, а отъ зла отвращаться? Свободная воля есть всегдашнее достояніе наше, она находится и у христіанъ, и у іудеевъ, и у язычниковъ; ею обладаетъ человѣкъ не только послѣ паденія, но и въ самомъ паденіи, потому что самый величайшій грѣшникъ можетъ обратиться на путь истинный и измѣниться. Необходимо 3) совѣсть, которая за одно награждала бы, а за другое наказывала насъ; одному дѣлу благопріятствовала, а другому

¹⁾ Augustin. De pecc. orig. II, 2. b. 13: De dono persev. c. 2; De pecc. merit. 1, 9.

²⁾ Gratiam Dei ponit Pelagius aut in natura et libero arbitrio, aut in lege atque doctrina. (De gratia Christi 3).

противилась. У насъ есть этотъ домашній законъ, и онъ никогда не обманываетъ насъ поддѣлкою доказательствъ; онъ обличаетъ и оправдываетъ насъ вѣрно самыми мыслями нашими. Словомъ, возможность добра, данная намъ Богомъ, есть какъ бы плодоносный корень, который не можетъ разрастись и произвести древа безъ дѣйствія моей воли; а при дѣйствіи воли произвести древо или украшенное цвѣтами добродѣтелей, или же покрытое терніемъ пороковъ ¹⁾.

Эти основныя положенія пелагіанской системы показывають, что она была противоположна манихейской. Въ манихейскомъ ученіи замѣтенъ идеализмъ, который старался примкнуть къ Платону; у пелагіанъ, напротивъ, видимъ эмпиризмъ, одѣтый въ христіанскую одежду стоической философіи, и вооруженный діалектическими софизмами Аристотеля ²⁾. Манихеи тѣлесную природу человѣка съ ея пожеланіями почитали существенно злою и потому неспособною къ спасенію; пелагіане, напротивъ, доказывали, что даже плотское пожеланіе есть нѣчто доброе и достойное похвалы, потому что находится въ нашей природѣ ³⁾.

Еретики счастливо распространяли свое ученіе въ Италіи и особенно въ Римѣ. Въ 411 году они отправились въ Африку и проѣздомъ были въ Иппонѣ. Но Августинъ, будучи занятъ въ то время донатистами, не обратилъ особеннаго вниманія на путешественниковъ. Молва объ ихъ еретическомъ ученіи со-

¹⁾ De lib. arb. c. 4; De grat. Christ. 33; De pecc. merit. 1, 10, 11, 2; Epist. 175; Contr. duas epist. pelag. 11, 8.

²⁾ Августинъ называлъ Пелагія обезьяной Аристотеля (Conti. Julian. pelag. 1, 2, 9).

³⁾ Manichaei carnis concupiscentiam non tanquam accidens vitium, sed tanquam natura ab aeternitate malam vituperant. Pelagianeam, tanquam nullum vitium, sed naturale sit bonum, insuper laudant. Conti. duas epist. pelag. 11, 2).

стигла епископа Иппонійскаго уже въ то время, когда Целестій былъ принятъ въ число духовныхъ африканской церкви. По предложенію діакона Павлина, созванъ былъ противъ нихъ соборъ, съ опредѣленіемъ котораго вполне согласился Августинъ, и съ этого времени поставилъ непремѣнною обязанностию опровергнуть новое лжеученіе, которое казалось ему въ высшей степени вреднымъ для христіанской вѣры и правдивости.

Первыя антипелагіанскія сочиненія Августина вышли въ 412 г., именно: 1) *De peccatorum meritis et remissione*; 2) *De spiritu et littera*.

Въ трактатѣ *«О заслугахъ и отпущеніи грѣховъ»* Августинъ рѣшаетъ главнымъ образомъ три вопроса: можетъ ли человѣкъ быть безъ грѣха; есть ли смерть естественное явленіе; и, наконецъ, какъ согласить смерть некрещенныхъ младенцевъ съ предопредѣленіемъ Божиимъ о спасеніи человѣка въ Христѣ. Въ отвѣтъ на первый вопросъ Августинъ различаетъ: «имѣть возможность не грѣшить, и не грѣшить.» Онъ соглашается, что человѣкъ при свободной волѣ и помощи благодати могъ бы не грѣшить; но что этого на самомъ дѣлѣ никогда не бываетъ: нѣтъ ни одного челоука безъ грѣха. На второй вопросъ отвѣчаетъ исторически: смерти не было до грѣхопаденія, а она явилась послѣ, и притомъ какъ наказаніе за грѣхъ; слѣдовательно никакъ не можетъ быть названа явленіемъ естественнымъ. Если она постигаетъ насъ и по отпущеніи намъ грѣховъ, то это поэтому, что Богъ хочетъ сдѣлать ее средствомъ къ спасенію нашему и переходомъ въ жизнь будущую. Касательно 3 го вопроса Августинъ замѣчаетъ, что это есть тайна, предъ которой мы должны благоговѣть. Мы имѣемъ Искупителя, которому вѣрена судьба наша, и будемъ довольствоваться знаніемъ этого,

Такъ какъ первая мысль т. е. что въ этой жизни нѣтъ человѣка безъ грѣха показалась Марцеллину странною, то Августинъ отвѣчаетъ на его недоумѣніе цѣлой книгой, «*О духѣ и буквѣ*», изъясняя слова ап. Павла: «*письмя убиваетъ, а духъ животворитъ*». Въ этомъ сочиненіи онъ не только развиваетъ прежнюю свою мысль, но и усиливаетъ ее: онъ почитаетъ величайшимъ заблужденіемъ думать, что люди могутъ быть безъ грѣха, ему кажется преступленіемъ утверждать, что одна воля, безъ помощи божественной благодати, можетъ сдѣлать насъ истинно добродѣтельными; онъ доказываетъ наконецъ, что благодать служить основаніемъ свободной воли, точно также какъ вѣра служить основаніемъ знанія.

Нѣсколько лѣтъ спустя, именно въ 415 г. Августинъ опровергалъ въ своемъ трактатѣ *De natura et gratia* книгу Целгія *О благодати*, гдѣ ересеначальникъ доказывалъ, что подъ именемъ благодати надобно разумѣть не сверхъестественное дѣйствіе Духа на нашу душу, а естественное, состоящее въ наученіи насъ посредствомъ закона, евангелія, и что самая природа наша и свободная воля могутъ быть названы благодатію. Августинъ критически разсматриваетъ всѣ тѣ мѣста, которыя приводили пелагіане изъ Писанія и отцовъ церкви въ подтвержденіе своего ученія, и проводитъ ту мысль, что мы съ своей природой и свободной волей, не можемъ не только спастись, но и сотворить добраго дѣла, что благодать ниспосылается намъ не по заслугамъ, а *туне*.

Затѣмъ настаетъ антрактъ. Августинъ ничего не пишетъ противъ пелагіанъ, надѣясь, что они сами образумятся, и обращаетъ свою дѣятельность противъ присцилліанистовъ и оригенистовъ ¹⁾. Но когда ему донесли, что пелагіане своимъ мни-

¹⁾ Contra priscillianistas et origenistas (415). Говорится о томъ, что

мымъ православіемъ соблазняютъ опытнѣйшихъ пастырей, что они въ доказательство правоты своего ученія ссылаются на его собственное сочиненіе «*De libero arbitrio*», то Августинъ почелъ нужнымъ въ сочиненіи *De gratia Christi* (418) подробно объяснить истинный смыслъ и своихъ словъ и словъ пелагіанъ.

Въ 418 г. снова усилились оригенисты, и снова былъ поднятъ вопросъ о происхожденіи души. Августинъ, въ письмѣ къ епископу Оптату, не высказалъ на этотъ вопросъ рѣшительнаго отвѣта изъ опасенія, какъ онъ говорилъ, чтобы какой нибудь пелагіанинъ не злоупотребилъ его рѣшеніемъ и не вывелъ неправильныхъ заключеній о первородномъ грѣхѣ. Онъ совѣтовалъ только Оптату, при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, всегда имѣть въ виду *духовность* души. Въ 419 г. это письмо попало въ руки нѣкоего Виктора, который тотчасъ же написалъ противъ Августина четыре книги, наполнивъ ихъ разнаго рода пелагіанскими идеями. Августинъ отвѣтилъ Виктору также четырьмя книгами (*De anima et ejus origine*), въ которыхъ доказывалъ трудность рѣшенія вопроса о происхожденіи души, и со всею энергіею отстаивалъ ученіе о духовности ея, и о томъ, что душа не есть часть Божества, не одной природы съ Богомъ.

Потомъ пелагіане стали осуждать Августиново ученіе о первородномъ грѣхѣ, дѣйствіе котораго онъ видѣлъ въ похоти, и слѣдовательно какъ будто почиталъ человѣка произведеніемъ діавола. Это заставило Августина выдать книгу «*О супружествѣ и похоти*» (*De nuptiis et concupiscentia*), гдѣ онъ говоритъ, что вовсе не намѣренъ былъ унижать супружества, но что онъ отличаетъ супружество отъ похоти, которая хотя есть зло и слѣдствіе грѣха, но въ супружествѣ обращается въ добро,

душа не есть часть божества, что она не существовала прежде, что мученія грѣшныхъ душъ будутъ нескончаемы

потому что служить причиною размноженія рода человѣческаго. Едва вышла въ свѣтъ эта книга, какъ епископъ Юліанъ написалъ противъ нее четыре, и этимъ заставилъ Августина выдать вторую книгу *De pñtiis et consup.* которая служитъ рѣспространеніемъ и пополненіемъ того, что сказано въ первой книгѣ. Для обузданія и лучшаго направленія похоти, говоритъ епископъ Иппонійскій, служить таинство брака; и потому хотя рождаются отъ брака не сыны Божіи, но сыны вѣка, но благодать Божія, даруемая въ крещеніи, освобождаетъ ихъ изъ подъ власти діавола. (Похоть у получившихъ крещеніе существуетъ *actu* а не *reatu*.).

Въ тоже почти время Юліанъ написалъ два письма: одно въ Римъ, а другое, за подписомъ 18 епископовъ, къ Θεессалоникійскому епископу Руфу, въ которыхъ (письмахъ) прославлялъ природу человѣческую, блага происходяція отъ супружества, законъ Моисеевъ, заслуги ветхозавѣтныхъ святыхъ, и наконецъ, слишкомъ много значенія приписывалъ свободной волѣ. Когда Августинъ узналъ объ этомъ, то написалъ противъ двухъ писемъ Юліана четыре книги (*Contra duas epistolas pelagianorum*), и немедленно послалъ ихъ папѣ Бонифацію, который совершенно раздѣлилъ его мнѣніе.

Но, какъ послѣ оказалось, Августинъ читалъ только отрывки изъ книгъ Юліана, а не полное сочиненіе. Въ полномъ своемъ составѣ оно было прислано ему позже епископомъ Клавдіемъ. Желая исправить и пополнить прежній свой отвѣтъ Юліану, онъ рѣшился написать противъ него шесть книгъ (*Sex libros contra Julianum*, 421). Въ первыхъ двухъ книгахъ опровергается клевета Юліана, будто православные слѣдуютъ манихейскому заблужденію въ ученіи о первородномъ грѣхѣ. Въ остальныхъ четырехъ разбираются мысли Юліана, высказанныя имъ по случаю выхода въ свѣтъ первой книги Августина

De nuptiis et concupiscentia. Здѣсь Августинъ между прочимъ доказываетъ абсолютную необходимость благодати «предваряющей» (*praevenientis*), которая безъ всякихъ со стороны чловѣка заслугъ его спасаетъ.

Наконецъ, когда Юліанъ, прочитавъ вторую книгу *De nuptiis et concupiscentia*, выдалъ противъ нее восемь книгъ, Августинъ хотѣлъ написать и противъ нихъ опроверженіе также въ восьми книгахъ; но успѣлъ выдать только шесть (428); а потому и называется онѣ *opus imperfectum*. Въ этомъ сочиненіи Августинъ не ограничивается тою мыслию, что грѣхъ есть зло, но прибавляетъ «зло непрестанно насъ влекущее къ себѣ.» По грѣхопаденіи, говоритъ онѣ, возможность не грѣшить потеряна, а на мѣсто ея явилась необходимость грѣшить» (*quaedam necessitas peccandi*). Воля наша зла и непрестанно влечетъ насъ ко грѣху; направлена же къ добру можетъ быть только однимъ Богомъ.

Слишкомъ суровый взглядъ епископа Иппонійскаго на чловѣческую природу вызвалъ оппозицію и среди единовѣрныхъ. Прочитавъ посланіе къ Сексту, монашествующіе одного монастыря (близъ Адрумента) высказали даже лично Августину, что его ученіе о благодати и свободной волѣ не можетъ быть вполне раздѣляемо православными. Если все, говорили они, зависитъ отъ благодати, а ничто не зависитъ отъ свободной воли; то всякая ревность, всякое увѣщаніе напрасны: кто предназначенъ къ спасенію, тотъ спасется, а кто не предназначенъ, тотъ погибнетъ. Для успокоенія подобныхъ людей и наученія Августинъ написалъ книгу «О благодати и свободной волѣ» (*De gratia et libero arbitrio*, 427); а когда эта книга не произвела желаннаго дѣйствія, то за ней послѣдовала другая: «Объ исправленіи и благодати» (*De correptione et gratia*).

Въ первомъ сочиненіи Августинъ проводитъ ту мысль, что для хорошаго житія и нравственнаго дѣйствованія доста-

точно свободнаго произволенія; но для обращенія на путь истинной и благочестивой жизни, за которую дается награда вѣчная, необходима благодать Божія. И эта благодать дается намъ не вслѣдствіе нашихъ заслугъ, а туне, или, правильнѣе, самыя наши заслуги есть дары благодати Божіей. Эта благодать Божія, предваряющая и сопутствующая (*praeventiens et concomitans*) не уничтожаетъ свободнаго произволенія; но свободное произволеніе дотолѣ не можетъ начать дѣйствовать для нашего спасенія, пока не будетъ возбуждено Богомъ. Богъ спасаетъ кого хочетъ спасти и когда хочетъ; спасаются одни избранные.

Во второмъ сочиненіи епископъ Иппонійскій со всею подробностію изложилъ ученіе о божественной благодати, и потому оно называется *золотымъ* ¹⁾. Главное вниманіе онъ обратилъ на рѣшеніе весьма труднаго вопроса: «если благодать Божія производитъ въ насъ и желаніе и исполненіе, если никто не спасается, кромѣ предназначенныхъ къ спасенію, и если никто безъ благодати не можетъ устоять въ добрѣ до конца; то для чего грѣшникамъ думать объ исправленіи себя, которое для нихъ невозможно, а если бы и было возможно, то безполезно»? И отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: Вообще исправленіе полезно, потому что грѣшникъ, при исправленіи себя, можетъ болѣе чувствовать свое несчастное положеніе, можетъ болѣе возбуждать себя къ покаянію и молитвѣ. Конечно, если онъ не въ числѣ избранныхъ, то не достигнетъ спасенія, потому что только любящими Бога вся споспѣшествуютъ ко спасенію; но мы должны помнить, что намъ неизвѣстны эти любимцы Божіи, и потому исправленіемъ грѣшниковъ пренебрегать не должно.

¹⁾ Prosperi Aquit. epist. ad August. (22°).

Еще серьезнѣе была оппозиціонная партія противъ теорій Августина, возникшая на югѣ Галліи, особенно же въ Мессалии. Ее составили монашествующіе, во главѣ которыхъ на ходился Іоаннъ Кассіанъ, бывшій нѣкогда діаконъ Константинопольской церкви при св. Златоустѣ. Монашествующіе не отрицали ни первороднаго грѣха ни благодати, но доказывали, что человѣкъ можетъ и безъ божественной благодати имѣть намѣреніе исправиться. Ясно, что эти люди старались найти средній путь между августинизмомъ и пелагіанизмомъ; но нашли ли путь истинно православный? Это другой вопросъ, который былъ рѣшаемъ различно, и потому неудивительно, что ихъ обыкновенно называли *полупелагіанами*. Противъ нихъ возстали Гонорій и Просперъ, и увѣдомили Августина о попыткахъ, дѣлаемыхъ для соединенія двухъ противоположныхъ взглядовъ. Августинъ тотчасъ же написалъ противъ полупелагіанъ: «*О даръ постоянства* (De dono perseverantiae) и *О предопредѣленіи святыхъ*» (De praedestinatione sanctorum).

Эти двѣ книги такъ между собою сходны по содержанію, что на нихъ можно смотрѣть какъ на двѣ части одного сочиненія. Написаны въ духѣ миролюбивомъ, но подъ вліяніемъ самыхъ мрачныхъ мыслей о природѣ падшаго человѣка. Такъ какъ въ Писаніи, говоритъ Августинъ, ясно сказано: vobis est donatum pro Christo... ut credatis in Eum, то слѣдовательно отъ Бога зависятъ и вѣра и начало вѣры. Апостолъ не знаетъ вѣры естественной: pop omnium est fides, говоритъ онъ, и въ этихъ словахъ ясно высказываетъ ту мысль, что вѣра есть нѣчто сверхъестественное, нѣчто сообщаемое Богомъ... Безъ сомнѣнія, и извращенная воля можетъ исправиться, если Богъ захочетъ ее исправить; но изъ этого не слѣдуетъ, что призваніе къ вѣрѣ не есть исключительное дѣло благодати и милосердія Божія. И если говорятъ, что Богъ даруетъ свое спасеніе только достойнымъ, то надобно замѣтить, что и самое

достоинство есть даръ Божій (Еф. II, 9). Св. Писаніе вездѣ представляетъ божественное предопредѣленіе абсолютнымъ основаніемъ нашего спасенія. Проповѣди, наставленія полезны потому только, что принадлежать къ приготовительнымъ средствамъ предопредѣляющей воли божественной.

Мы разсмотрѣли сочиненія епископа Иппонійскаго, писанныя имъ по случаю ересей манихейской, пелагіанской и полупелагіанской. Какъ ни много времени отнимала у Августина эта борьба его съ внутренними врагами христіанства, но онъ, какъ ревностный пастырь, умѣлъ находить время для защиты своихъ пасомыхъ и отъ внѣшнихъ враговъ, посягавшихъ на ихъ имуществъ и жизнь. Умѣлъ, наконецъ, воспользоваться и часами досуга, для того чтобы слѣдить за состояніемъ своей собственной души, дѣлать опыты надъ самимъ собою. Доказательствомъ служатъ сочиненія: *De civitate Dei*, *Confessiones*, *Retractationes*.

Первое по времени есть *Confessiones* или «*Исповѣдь*» (400 г.). Оно было плодомъ религіознаго чувства, съ особою силою возбужденнаго замѣчательнымъ событіемъ въ исторіи человѣчества.

Наступалъ 400 годъ, конецъ столѣтія. Всѣ задавали себѣ вопросъ: что сдѣлано въ истекающемъ вѣкѣ, и чего можно ожидать отъ наступающаго? Всѣ устремляли взоры въ мрачную будущность. Гораздо чаще и сильнѣе слышались вздохи; чаще и сильнѣе возносились молитвы къ Богу о благоденствіи. Но христіанина, думаетъ Августинъ, должно интересоватъ не столько внѣшнее счастье, сколько внутреннее. Для христіанина гораздо важнѣе вопросъ: въ какомъ состояніи душа моя и какъ въ ней перемѣна; что сдѣлала она для своего вѣчнаго спасенія, и что еще должна сдѣлать? Изъ исторіи обращенія Августина къ христіанству мы уже знаемъ, что онъ глубоко

чувствовалъ свои прежнія беззаконія, со всею искренностію раскаявался въ нихъ и отъ всей души благодарилъ Бога, направившаго его на путь истинный. Но теперь ему кажется недостаточною эта хотя и частая, но частная исповѣдь. Мы часто исповѣдуемся въ своихъ беззаконіяхъ, нерѣдко и оставляемъ путь погибельный. Но надолго ли? Обыкновенная исповѣдь не всегда можетъ принести душѣ желанную пользу; потому что мы припоминаемъ дѣла, а не намѣренія, припоминаемъ частности, а не беремъ во вниманіе общаго состоянія души, не видимъ всей глубины нашего паденія. Эти и подобныя мысли заставляютъ его подвергнуть строжайшей критикѣ всю прошедшую свою жизнь, принести искреннюю исповѣдь во всемъ и предъ всѣми. Онъ хочетъ припомнить не только то, что дѣлалъ и что слѣдовательно могло быть видимо людьми; но даже то, что совершалось въ глубинѣ его души, и потому было извѣстно одному Богу. Онъ вспоминаетъ не только большіе, но и малые грѣхи и заблужденія, по возможности перечисляетъ полученныя отъ Бога милости, и открываетъ тѣ сокровенныя пути, которыми Богъ велъ его къ спасенію. Словомъ, онъ хочетъ составить вѣрное понятіе о томъ, какова душа его, можетъ ли она безтрепетно предстать на судъ Божій.

«Душа моя томится», пишетъ Августинъ, «не находя себѣ покоя... Кто же подастъ мнѣ утѣшеніе? Кто увѣритъ меня, что Ты, Господи, увидеши въ душу мою и наполнишь Собою сердце мое, чтобы мнѣ забыть все горе мое, а Тебя, единое благо мое, воспріять и возлюбить?...¹⁾». Сжался надо мною, скажи душѣ моей: *я твое спасеніе*; но скажи такъ, чтобы я услышала. Не укрой отъ меня лица Твоего; я умру, но да не умру прежде даже не увижу Его... Храмина души моей въ развали-

¹⁾ Conf. I, 2.

нахъ, но Ты возстанови и обнови ее. Сознаюсь, что въ ней много нечистотъ, которыя могутъ оскорбить Твой взоръ; но Ты отъ тайныхъ моихъ очисти мя ¹⁾... Я хочу, чтобы душа моя была чиста и непорочна предъ Тобою. Вотъ надежда моя; этой надеждой дышетъ слово мое; въ ней нахожу я истинную радость свою... Я хочу совершить дѣло правды, сердцемъ моимъ исповѣдуюсь предъ Тобсю и писаніемъ моимъ заявляю тоже предъ многими свидѣтелями..²⁾ Въ Тебѣ одномъ я ищу источника примиренія и съ собою и съ Тобою. Я исповѣдаюсь не только словами и звуками чувственными, но и словами душевными, и воплемъ помышлений..³⁾ Я приношу исповѣдь не предъ Тобою только, но и предъ сынами человѣческими, предъ всѣми вѣрующими, сообщниками и радостей и скорбей моихъ, предъ согражданами и спутниками моими въ жизни.⁴⁾

Эта исповѣдь, эта исторія внутренней жизни Августина богата глубокими замѣчаніями вообще о душѣ человѣческой. Августинъ весьма живо изображаетъ здѣсь состояніе человѣка заблуждающагося, освобождающагося отъ заблужденій, и наконецъ, нашедшаго истину. Онъ прекрасно описываетъ страшную борьбу духа съ плотію, дѣйствіе и слѣдствія страстей. Но самое важное то, что онъ, желая рѣшить вопросъ,—присутствуетъ ли Богъ въ его душѣ,—критически разбираетъ силы и способности души (особенно же памяти). Въ 2-й части, коснувшись творенія человѣка въ шестой день, онъ высказалъ много мыслей о превосходствѣ души человѣческой предъ всѣми 'земными' тварями, и утѣшаетъ себя и другихъ надеждою на день седьмой, на ту вѣчную субботу, которая не имѣетъ вечера.

¹⁾ Ibid. I, 5

²⁾ Ibid. X, 1.

³⁾ Ibid. X, 2.

⁴⁾ Ibid. X, 4.

Важна эта исповѣдь и въ томъ отношеніи, что въ ней мы видимъ истинный, задушевный образъ мыслей разсматриваемаго нами писателя,—тогда какъ въ сочиненіяхъ полемическихъ онъ перѣдко увлекался идеями другихъ, и свои собственные идеи выражалъ въ преувеличенномъ видѣ. «Вотъ тебѣ», пишетъ онъ Дарію, «книга моихъ Confessionum, которыхъ ты желалъ. Тамъ созерцай меня; тамъ мнѣ внимай, тамъ ты увидишь что я былъ въ себѣ самомъ.. Молись обо мнѣ, дабы я шелъ не назадъ, но впередъ» (Ер. 231. Datio Comiti).

Съ приближеніемъ глубокой старости, именно на 74-мъ году жизни, ему кажется однакожь и эта глубокая, многосторонняя и искренняя исповѣдь все еще недостаточною. «Грѣхи и заблужденія, бывшіе въ моей жизни, говоритъ онъ, были главнымъ образомъ вредны душѣ моей; если же они были вредны и для другихъ, то это уже прошедшее, это уже прикрито милосердіемъ Божиимъ, и, можетъ быть, не воспомнется людьми—по немощи нашей памяти, или же по разсѣянности. Но не таково написанное мною и выданное въ свѣтъ. Если я высказалъ что либо соблазнительное или неправильное въ своихъ сочиненіяхъ, то это такое зло, которое никогда не изгладится, которое будетъ переходить изъ рода въ родъ, а, можетъ быть, и увеличиваться. Я слышу слова Писанія: «если мы себя судимъ, то не будемъ осуждены Богомъ». Меня приводятъ въ ужасъ слова: «во многоглаголаніи не избѣжишь грѣха... Вотъ я уже старъ... Надобно, чтобы я самъ судилъ себя предъ единымъ Учителемъ, суда котораго о моихъ погрѣшностяхъ желаю избѣжать»¹⁾. Это желаніе не сдѣлать никому вреда своими сочиненіями заставило Августина критически разсмотрѣть свои

¹⁾ Retract Prolog.

прежніе ученые труды, и выдать такъ называемые *«Поправки»*. (Retractationes), гдѣ онъ объясняетъ мѣста темныя, говоритъ какъ надобно понимать сказанное, повидимому, неправильно; указываетъ истинный смыслъ своихъ неточныхъ выраженій, замѣчаетъ ошибки и проситъ читателя исправить ихъ.

Сочиненіе De civitate Dei написано было Августиномъ по случаю страшныхъ несчастій, постигшихъ римскую имперію.

Во времена Августина готскій царь Аларикъ завоевалъ и опустошилъ Римъ, и тѣмъ нанесъ послѣдній, самый тяжкій ударъ, поразившій гордую столицу міра, а съ нею и древнее язычество. Глубоко чувствовали это несчастіе язычники, особенно при взглядѣ на усиленіе и процвѣтаніе враждебнаго имъ христіанства. Но вмѣсто того, чтобы правильно объяснять этотъ переворотъ, вмѣсто того, чтобы заглянуть въ собственное сердце для отысканія причинъ паденія язычества, они искали этихъ причинъ во вѣншнемъ мірѣ, и первое, что имъ представилось, было цвѣтущее и славное христіанство. Вотъ гдѣ, говорили они, надобно искать причины нашего паденія и униженія, — въ распространеніи враждебной намъ религіи! Христіане презрѣли религію нашихъ отцовъ, ту религію, которая сдѣлала наше государство великимъ и сильнымъ. Надобно возстановить ее, но это не иначе возможно, какъ при уничтоженіи религіи христіанской, существованіе которой привлекаетъ на весь міръ мщеніе боговъ.

Для того чтобы ослабить это языческое суевѣріе, оправдать христіанъ въ глазахъ язычниковъ и защитить отъ ихъ нападеній, Августинъ, по просьбѣ африканскаго трибуна (Марцеллина), написалъ огромное сочиненіе *«О градѣ Божіемъ»* (оно было начато въ 413 г., а окончено въ 426, слѣд. писано въ про-

*

долженіе 13 лѣтъ). Въ этомъ сочиненіи, какъ выражается одинъ писатель, онъ хотѣлъ на развалинахъ древняго града построить новый, никогда не гибнущій.

Это сочиненіе исполнено учености и діалектическаго остроумія. Въ 1-й части Августинъ поражаетъ все язычество; возстаетъ не только противъ народныхъ мнѣній, но и противъ языческихъ системъ, какъ богословскихъ, такъ и философскихъ. 2-я часть богата сокровищами христіанскаго богословія. Здѣсь можно найти очень много разсужденій о твореніи ангеловъ, ихъ природѣ, заслугахъ и паденіи; много говорится о твореніи человѣка, первобытномъ состояніи, грѣхопаденіи, распространеніи и судьбѣ рода человѣческаго. Но такъ какъ самымъ лучшимъ утѣшеніемъ для христіанъ служитъ мысль о жизни будущей, загробной, то Августинъ больше всего обратилъ вниманіе на доказательства безсмертія души, воскресенія тѣла, вѣчнаго блаженства для праведныхъ и вѣчнаго наказанія для грѣшниковъ.

Но утѣшавшій другихъ, не могъ утѣшить самого себя. Проведши всю свою жизнь въ борьбѣ, онъ чувствовалъ себя слишкомъ обезсиленнымъ для того, чтобы перенести новое несчастіе, разразившееся надъ его отечествомъ.

Царь вандаловъ, Гензерикъ, вторгся съ 50,000 воиновъ въ Африку. Варвары вели себя хуже дикихъ звѣрей, и очень скоро прекрасную страну превратили въ пустыню, умерщвляя всякаго, не разбирая ни пола, ни возраста. Бонифацій рѣшился собрать послѣднія силы и выступилъ (въ 430 г.) противъ врага съ оружіемъ, но былъ разбитъ, и съ остаткомъ войска заключился въ Иппонѣ. Глубоко чувствовалъ это несчастіе Августинъ, и обратился къ Богу съ слѣдующей молитвой: «Прошу Тебя, Господи, освободить этотъ городъ отъ враговъ. Если же Ты рѣшилъ иначе, то укрѣпи своихъ рабовъ въ терпѣніи. Но болѣе всего я желаю бы, чтобы Ты вызвалъ

меня изъ этого міра ¹⁾). Онъ не дожиль исполненія перваго желанія, но послѣднее было услышано.

Эта исторія психологической дѣятельности разсматриваемаго нами писателя, хотя и весьма неполная, уже можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, каковъ долженъ быть характеръ ученія Августина о душѣ, и какую онъ имѣлъ цѣль, дѣлая психологическія наблюденія.

Августинъ, какъ мы видѣли, съ юныхъ лѣтъ чувствовалъ непреодолимое стремленіе къ истинѣ, неудовлетвореніе которому было для него въ высшей степени мучительно. То образованіе, которое онъ получилъ, не могло достаточно освѣтить ему пути къ достиженію желанной цѣли, потому что не было всестороннимъ.

Но онъ очень живо чувствовалъ недостатки своего образованія и старался восполнить ихъ самонаблюденіемъ. Онъ непреставно дѣлалъ опыты надъ самимъ собою, и силою собственнаго ума, ума смѣлаго и сильнаго, хотѣлъ постигнуть интересующіе его предметы. Это было причиною того, что его взгляды на силы и способности души необыкновенно оригинальны и въ высшей степени занимательны. Онъ не былъ такимъ психологомъ, который представляетъ только общія идеи, а не любитъ говорить о частностяхъ. Нѣтъ, онъ расскажетъ намъ то, что случилось съ нимъ самимъ, что случилось съ близкими къ нему, и изъ этихъ опытовъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ каждому, онъ выведетъ заключеніе, которое будетъ вѣрно и общепонятно; и потому неудивительно, что многія сужденія Августина сдѣлались народными. Онъ не принадлежалъ къ числу

¹⁾ Curs. compl. Vita Augustini.

тѣхъ психологовъ, которые языкомъ отвлеченнымъ и безцвѣтнымъ излагають свои мысли о явленіяхъ души невидимыхъ, неосязаемыхъ. Это натуралистъ, который сдѣлаетъ ихъ, такъ сказать, видимыми и осязаемыми. Это живописецъ, который отыщетъ въ душѣ самые великолѣпные ландшафты и весьма вѣрно нарисуетъ ихъ. Его африканское воображеніе покроетъ привлекательными цвѣтами самыя отвлеченныя идеи, и сообщить этимъ идеямъ жизнь, движеніе, слово.

Пружиною изслѣдованій Августина, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ выступилъ на поприще общественнаго служенія, были религіозные и полемическіе вопросы, и потому его психологія имѣетъ характеръ полемическій. Но полемическая сторона у Августина не есть сторона внѣшняя и случайная. Она была тѣсно связана съ его жизненной задачей; она вызвала его на рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые были задушевыми его вопросами, которые онъ разсматривалъ не потому только, что почиталъ это необходимымъ, но и потому, что почиталъ наслажденіемъ. Онъ былъ увѣренъ, что споры послужатъ къ все-стороннему раскрытію тѣхъ предметовъ, которые занимали его отъ юности, какъ-то: борьба добра со зломъ, дѣйствія свободной воли...

Конечно, нельзя отрицать, что это полемическое направленіе имѣло отчасти и вредное вліяніе на его психологію, сообщивъ ей характеръ односторонности; оно было причиною того, что Августинъ часто безъ нужды повторялъ одно и то же, слишкомъ варьировалъ свои мысли, дѣлалъ частыя отступленія отъ предмета, и вообще былъ многорѣчивъ. Но эти недостатки достаточно вознаграждаются необыкновенной полнотой изложенія: онъ разсмотрѣлъ нѣкоторые предметы такъ внимательно и съ такою точностію, что въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ не могли ничего прибавить къ его словамъ.

Какая цѣль психологическихъ изслѣдованій Августина? Августинъ хотѣлъ, какъ показываетъ его исторія, познать природу своей души для того, чтобы имѣть возможность освободиться отъ порочныхъ страстей, чтобы побѣдоносно окончить борьбу, происходившую въ немъ между хорошими и дурными чувствованіями. И съ тѣхъ поръ, какъ онъ убѣдился въ духовности души и озарилъ ее свѣтомъ христіанства, разсыпались, какъ онъ выражается, въ прахъ все доказательства манихеевъ о существованіи въ человѣкѣ двухъ душъ, о невозможности побѣдить злое начало и т. п. И потомъ, онъ неуклонно шелъ путемъ добродѣтели.

Эту же самую цѣль онъ предлагаетъ и всемъ тѣмъ, кои занимаются психологическими наблюденіями. «Родъ человѣческій», пишетъ онъ, «почитаешь очень важнымъ знаніе вещей земныхъ и небесныхъ; но гораздо болѣе имѣть цѣны знаніе насъ самихъ; гораздо болѣе достойнъ похвалы человѣкъ, которому извѣстна его собственная немощь, чѣмъ тотъ, кто испытываетъ и познаетъ пути звѣздъ, а не вѣдастъ пути къ спасенію. Мудрецъ предпочитаетъ знаніе знанію; онъ лучше хочетъ знать свое безсиліе, чѣмъ знать огражденія міра, основанія земли и вершины неба, называя это знаніе *произволеніемъ* (De Trin. IV. Proem.). Познай, что ты! Познай себя безсильнымъ, познай грѣшникомъ, познай, что ты запятнанъ. Въ твоёмъ исповѣданіи откроется пятно сердца твоего; сознаніе грѣховъ заставитъ искать врача¹⁾».

Но кто этотъ врачъ? Господь Іисусъ Христосъ. Вотъ высшая цѣль наша! Мы должны почаще заглядывать въ собственное сердце для того, чтобы чрезъ познаніе себя самихъ убѣждаться въ нашей немощи и необходимости помощи Бога,

¹⁾ Sermo 137.

который есть единственный источникъ жизни, просвѣщенія, блаженства. «Deum et animam scire cupio. Nihil ne plus? Nihil omnino» ¹⁾).

Душа наша имѣетъ разумъ, гдѣ есть образъ Божій, гдѣ обитаетъ Христосъ. Низойди же въ глубину своей души, и тамъ, во внутреннемъ человѣкѣ, ты ободрись для уподобленія Богу; въ образѣ своемъ познаешь виновника его ²⁾). Богъ при насъ; Онъ въ душѣ нашей, и потому истинное познаніе души неразрывно связано съ познаніемъ Бога: *poverim me, poverim Te* ³⁾).

(Продолженіе будетъ.)

К. Скворцовъ.

¹⁾ De ord. II, 16.

²⁾ Conf. X, 7.

³⁾ Solil. II, с. 1.